

КРАСИВЫЕ, ДЕРЗКИЕ, ЗЛЫЕ

р о м а н

**Он готов на все,
чтобы спасти
любимую – и
разбогатеть**

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

Анна и Сергей Литвиновы
Красивые, дерзкие, злые
Серия «Знаменитый тандем
Российского детектива»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158978

А. и С. Литвиновы Красивые, дерзкие, злые: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-15667-4

Аннотация

Алиса богата, но несчастлива. У нее нет ни отца, ни матери. Кто-то погубил их, когда девочке было четырнадцать. Алисе пришлось через многое пройти, чтобы пробиться в жизни. И вот пришло время найти и покарать убийц... На Валентине висел крупный долг. Кредитор заставлял ее заем «отработать»: отправиться на панель. Однако девушка с друзьями детства Петром и Степаном придумала план быстрого обогащения. Троица решила ограбить бандитских «инкассаторов», везущих почти два миллиона долларов... Валентина не знакома с Алисой. Алиса ничего не знает о Валентине. Но с каждым днем они все ближе друг к другу, потому что прошлое не отпускает...

Содержание

Часть первая. Без семьи	4
Алиса. Наши дни	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна и Сергей Литвиновы Красивые, дерзкие, злые

Часть первая. Без семьи

Алиса. Наши дни

У Алисы было все, кроме счастья.

Впрочем, если разобраться, счастье у нее теперь тоже было.

Во всяком случае, очень многие жители Москвы могли бы ей позавидовать.

Например, тому, что первую утреннюю чашку кофе она выпивает на собственном балконе с видом на водохранилище.

Солнце светит ярко, но еще не обжигает. Искристые дорожки пролегают по воде. Ранняя яхта задумчиво бороздит водный простор. Из сада доносится упоительный аромат утренних цветов. Роса бриллиантами сверкает на свежескошенном газоне. Телу покойно в шезлонге. Чуткое солнце ласкает кожу. Кофе – лучший из тех, что можно купить в Москве. Алиса его только что собственноручно сварила. Неохота поутру раздавать указания Варьке. Да и потом, дом-

работница все равно, сколько ни учи, не сделает напиток столь вкусным, как получится у самой Алисы.

Из домика для прислуги выходит Варька. Замечает хозяйку на балконе, подобострастно здоровается, но глядит исподлобья. Не иначе будет опять сечь: станет ли Алиса после кофе курить. И что теперь прикажете делать? Прятаться? Или все-таки внаглую задымить – рискуя, что шпионка заложит ее Вадиму?

Да пошла она, решает Алиса. Буду я бояться какой-то домработницы! Заложит – и бог с ней. Отбоярюсь, не впервой.

Алиса достает из тайничка пачку сигарет и зажигалку. Варька задерживается рядом с домиком для прислуги. Делает вид, что осматривает петунии: не пожрала ли их гусеница – а на самом деле вся ушки на макушке: не донесется ли с хозяйского балкона табачный аромат.

Алиса назло ей со вкусом раскуривает сигарету. Делает глубокую, первую, самую вкусную за день затяжку...

«Че ты во рту-то дым держишь? Ты внутрь его вдыхай, в легкие!»

Чердак. Стены в граффити. Запах кошачьей мочи. Измятая пачка «Бонд-стрит». Дым попадает в легкие, Алиса начинает безудержно кашлять. «Ниче, москвичка, второй раз легче пойдет...»

Настроение стремительно портится. То ли от нахлынувшей картинке-воспоминания, то ли из-за шпионки Варьки –

фрекен Бок, то ли от того, что она, Алиса, опять пошла, как говорит муж, «на поводу пагубного пристрастия». Утренняя сигарета, считай, испорчена. Алиса досадливо гасит ее в пепельнице и резко встает.

Солнце по-прежнему светит ласково, и яхта бороздит водохранилище, и из сада доносится аромат цветов – но приметы чудесного утра перестают радовать, теряют эффект приятной новизны.

* * *

Когда у тебя много денег – по-настоящему много – становится совершенно непонятно, куда девать время. Чем его заполнить. Не нужно тратить дни на зарабатывание средств к существованию и торчать с утра до вечера в офисе. Тебе не нужно готовить, убирать, стирать, гладить, ковыряться в саду – для дел по дому имеется прислуга. И даже если появятся дети – ими все равно займутся няньки. Вот и получается пятнадцать часов в сутки, которые надо убить.

С утра время еще заполнено: одно за другим идут разные дела. *Ритуалы*, как называет их Алиса. Сперва – беговая дорожка в тренажерном зале (Вадим был категорически против, чтобы она бегала «в реале»: в поселке, по берегу водохранилища или в лесу). Затем – силовые тренажеры. И, наконец, аэробные упражнения. Наклоны и растяжки она делает в саду, на полянке. Раз – два – три – четыре, наклон к

одной ногое, к другой, вдох, выдох, выпрямиться, вдох...

«Алиска, мля, хрен ли ты тут ручками своими машешь?! Пошла б лучшие огурцы полила!..» Дядя Коля орет с крыльца, с утра он уже принял свой стакан, облачен в семейные трусы с майкой и вопит, слава богу, добродушно – совсем не так, как когда его мучает похмелье или он пьян в зюзю...

...Потом – в душ. Какое счастье, что завтра предстоит поездка в город: массажист, маникюрша, косметолог. После салона красоты можно прошвырнуться по магазинам и выпить кофе в Пассаже. День, считай, забит. А послезавтра – прием в московской мэрии, но это только вечером. А чем занять целый послезавтрашний день – решительно непонятно. Как непонятно, что делать сегодня. Может, все-таки махнуть в город? Но там – жарища, пробки, нервные люди. Нет, уж лучше скучать здесь, рядом с цветочками, в прохладе, у воды...

Алиса приказала сервировать завтрак на балконе. Завтрак – единственный прием пищи, когда она ест от души, досыта, позволяет себе отрываться. С ее природной склонностью к полноте надо постоянно стеречь себя. Семь кусочков колбаски на завтрак – единственное баловство за весь день. Ударную дозу белка придется компенсировать «геркулесом» на воде, обезжиренным йогуртом и безуглеводными хлебцами. На обед будет свекольник, на ужин – овощной салат и вареная рыба. Зато весы сегодня беспристрастно показали – весит Алиса пятьдесят три (при росте сто семьдесят пять). И (свидетельствовало зеркало) – ни грана дряблости или цел-

люлита.

После того, как Варька расставила приборы, Алиса ее отослала. Она ни с кем не любила говорить по утрам.

Вот с мамой – да. С ней она любила разговаривать. Но мамы уже нет. Давно нет. Ох, как давно!..

– Лисонька-Алисонька, ты на завтрак блинчики будешь?

– М-мур!

– Что такое «м-мур»?

– «М-мур» – это значит: «Йес, оф косс!»

– Американцы обычно говорят не «йес», а «шур!».

– Тогда: «Шур!»

– А с икоркой будешь?

Алиса в одной ночнушке скачет козой по комнате: «Шур! Мур! Икорка! Йес, оф косс!»

А потом восхитительный запах блинчиков растекается по квартире...

Ах, мама, мама, зачем же ты меня оставила так рано!..

* * *

После завтрака является соседка Вероника. Между их участками есть тайная тропа: калитка, ключи от которой имеются только у нее и у Алисы. От Вероники пахнет спиртным. Похоже, с утра она уже успела смешать себе пару коктейльчиков. Вероника обычно пьет до обеда, потом ест, спит, приводит себя в порядок – чтобы встретить своего му-

жа Ричарда, как она говорит, «во всеоружии красоты». Впрочем, Ричарду (как успела заметить Алиса) глубоко безразлично Вероникино «всеоружие». Он возвращается из офиса не раньше десяти, стремительно ест, а потом рассеянно целует жену, поднимается в кабинет и работает с документами. Ричард трудоголик, поэтому он хоть и не хозяин компании (как Вадим), но получает ежемесячно двадцать тысяч «уе», плюс бонусы, долю в прибыли и тринадцатую зарплату. А самой Веронике тридцать семь, и она недавно жаловалась, что у нее три недели не было секса.

– Пойдем ко мне, в бассейне поплаваем, – предлагает соседка.

– Не хочу, – отнекивается Алиса.

Дома у Алисы нет бассейна (Вадим почему-то не хочет), только послесаунная купель, и сей недостаток дает Вероникиному особняку неоспоримое (в ее глазах) превосходство перед участком Алисы. Бассейн, кто спорит, штука хорошая – особенно в такую жару, как сегодня, – но пойти к соседке означает: отбиваться от ее предложений выпить, смотреть, как напивается она сама, и слушать ее бесконечные излияния. Вероника баба хорошая, и с ней весело, но сейчас у нее пошла «шиза» на тему: а вдруг Ричард ее бросит? Он красавец, и вокруг него беспрестанно вертятся на работе (и вне ее) молодые шлюшки. Саму Алису, невзирая на ее двадцать шесть и эффектную внешность, Вероника в категорию молодых шлюшек не записывает и соперницей себе ее не счита-

ет. Это до поры до времени, полагает Алиса. Достаточно одного неосторожного взгляда в сторону Ричарда на совместном барбекю – и безадресная ревность Вероники направится на нее. Поэтому Алиса давно решила: с Ричардом надо быть особенно осторожной. Не хватает еще вместо доброжелательной соседки получить мстительную, измученную ревностью мегеру.

Когда Алиса решительно от бассейна отказалась, Вероника грустно спросила:

– А может, мне работать пойти?

– И пойди, – пожала плечами Алиса.

– Я ведь МИСИ закончила. Специальность: «водопровод и канализация». Знаешь, как это сейчас на рынке востребовано? У тебя, кстати, в гостевом туалете бачок подтекает.

– Скажу Василию. – Василием зовется приходящий помощник по хозяйству, он не пьет, аккуратно является дважды в неделю и выполняет всю мужскую работу по дому.

– Да ведь я все забыла, что в институте учила... – вздыхает Вероника. – И канализацию, и водопровод... Тринадцать лет без работы... Давай, что ли, выпьем? У тебя джин есть?

– Не пью я в такую рань.

– Ну и не пей. А мне налей.

– Может, не надо с самого утрака-то? – слабо отнекивается Алиса.

– Тебе что, подруга, джина для меня жалко?

Делать нечего, и Алиса плетется к бару.

– Мне два к одному смешай, – кричит ей вслед Вероника, – и лимончик порежь, если есть!

«Ты сама хотела такой жизни, – говорит себе по дороге на кухню Алиса. – Ты к этому стремилась. Получай: теперь ты богата. И все еще молода. И никакие, как у соседки, страдания, типа «он меня бросит», тебя не трогают. Ну, может, *пока* не трогают? И они появятся – когда тебе стукнет, как Веронике, тридцать семь».

Чтобы не сидеть рядом с пьющей соседкой с пустыми руками, Алиса наливает себе в высокий стакан яблочного сока. Сыплет туда пригоршню льда. Сует соломинку.

«Аккуратность – это красота. А красота – это аккуратность».

Так говаривал папа. Алиса была маленькая и не очень понимала, что он имеет в виду. Думала: вырасту и спрошу. Теперь она выросла, а вот спросить-то и не у кого.

Но слова отца накрепко запали в душу. И теперь все, что бы Алиса ни делала, она старается делать аккуратно. И в итоге получается красиво.

Вот и сейчас: в высоком, идеально чистом стакане бультыхаются, словно космонавты в невесомости, кусочки льда. Чуть позвякивают. Стакан запотел и смотрится так, что хоть сейчас помещай его на рекламный плакат.

Теперь коктейль для назойливой гостьи. Одна часть джина. Две части тоника.

К несчастью, к бару является Вероничка. Не утерпела вы-

сидеть в одиночестве даже пяти минут. Когда она выпьет, ее немедленно тянет общаться.

– У тебя маслиночки есть? Или оливки? – тут же спрашивает она. – И вообще: сваргань, Алиска, чего-нибудь закусить. Мы ж не алкаши – голый джин хлестать.

Не успевает Алиса усмехнуться и с сарказмом возразить: мол, джин-то хлестать будет одна Вероника, как в дверях нарисовалась прислуга Варька.

Вид у нее взбудораженный. Лицо красное, глаза выпучены. В руке дрожит листок бумаги.

– Что случилось, Варвара? – холодно поворачивается к ней Алиса. Она терпеть не может подобных драматических явлений прислуги. «Сейчас выяснится, что медведка пожрала все петунии», – с неудовольствием подумала она. Однако Варька бормочет совсем иное:

– Вам телеграмма!..

Телеграмма?! В мире Алисы нет места для телеграмм. В ее мире связь осуществляется с помощью мобильного телефона, эсэмэсок и электронных писем. Телеграмма – понятие из другого мира, из прошлой жизни, с которой покончено навсегда... Телеграмма означает нечто чрезвычайно странное и экстраординарное.

Ледяной стакан выскользывает из рук Алисы. Падает на стол. Джин разливается по столешнице. стакан грохается на пол и разлетается на мельчайшие осколки. Вероника, застывшая у бара, жадно следит за тем, как меняется в лице

Алиса.

Та подскакивает, выхватывает из рук домработницы листок.

Депеша и вправду послана из прошлой жизни. Из Бараблина. Отправлена вчера в десять вечера. В телеграмме – ровно отпечатанные на компьютере строки:

Тетя Вера очень плоха. Приезжай проститься. Клава.

* * *

И двух часов не проходит, как Алиса оказывается в аэропорту Шереметьево-1.

Эти два часа успевают вместить в себя, для начала, телефонный разговор с Вадимом. Муж озабоченно-благодушен:

– Ну, конечно, поезжай... Это все ж таки твоя тетя...

– Двоюродная тетя, – поправляет любящая точность во всем Алиса.

– Все равно – она ведь тебе не чужая... Растила, можно сказать... Вызови Василия, попроси, чтоб он отвез тебя в аэропорт и потом отогнал домой машину. Деньги не забудь снять с карточки еще в Москве. Думаю, в этом твоём Бараблине с банкоматами плохо.

– Уж как-нибудь разберусь, – холодно бросает Алиса.

Муж ее любит контролировать все и вся. Он из тех мужиков, кто искренне считает: без его ежеминутного вмешательства и умелого руководства рухнет все: и его фирма, и

семья, и дом. Удивительно, как еще insult или язву не заработал при таком крохоборском контроле. Впрочем, какие его годы! Ему тридцать пять – значит, все еще впереди.

– Да-да, знаю: ты большая девочка, – фыркает Вадим. – Тогда – счастливого пути. Уж пару дней без тебя как-нибудь обойдусь.

Алисе хочется сказать в ответ что-нибудь язвительное, но Вадим не дает ей такой возможности, кладет трубку.

Самое противное, что Алиса в точности выполнила все его указания. Позвонила в справочную, узнала, когда ближайший рейс до областного центра.

Вызвала Василия. Тот домчал ее на «Лексусе» до Шереметьева-один. Помог выгрузить скромную дорожную сумку – старую, ни в коем случае не от «Луи Вьюитона». Та годится для Парижа и Рима, но никак не для Бараблина.

В аэропорту Алиса сняла в банкомате полтыщи долларов с валютной кредитки и еще десять тысяч – с рублевой.

Совсем не похоже на то, как девять лет назад Алиса отправлялась из Бараблина в Москву.

Деньги зашиты по настоянию тети Веры в трусы.

Плацкартный вагон. Боковая полка. Двое суток пути.

А как она самый первый раз приехала из Москвы в Бараблино?

Пока Алиса проходила контроль безопасности, регистрацию, пока пила кофе в буфете в зале ожидания, все пыталась вспомнить свой самый первый приезд из Москвы в Барабли-

но. И ничего у нее не получалось.

Похороны мамы она смутно, но помнила.

Отпевание проходило в маленькой кладбищенской церкви.

Алиса помнила, как длинный луч солнца упал на восковое недвижимое мамино лицо – показалось, будто его коснулся своим перстом ангел. Отпевал маму молодой дьяк со стильной бородкой. Он был удивительно похож на мушкетера – скажем, на принявшего сан Арамиса. В небольшой толпе дальних родственников у гроба распоряжалась неизвестно откуда вынырнувшая бараблинская тетя Вера. Смутно помнились и поминки – но уже совсем нечетко.

А потом – бах! – и Алиса уже в Бараблине. В избе, на железной кровати, и тетя Вера будит ее:

– Вставай, Алисонька, а то в школу опоздаешь...

А между этими двумя картинками – московскими похоронами и пробуждением в Бараблине – пустота, чернота, зияющий провал. Провал, как потом сумела восстановить Алиса, длиною в недели... И сейчас самое время заполнить ту лауну, то выпадение памяти, что случилось, когда ей минуло пятнадцать лет.

Почему умерла ее мама? Как погиб ее отец?

* * *

Аэродрома в Бараблине, естественно, нет. Как и железно-

дорожной станции. Один автовокзал. Поэтому Алиса взяла билет до областного центра. В аэропорту она пересекает на такси.

Если разобраться, она возвращается в Бараблино триумфаторшей. Женой столичного миллионера, в шмотках от «Гуччи» и «Фенди», богатая, счастливая, одним словом – победительница. Только ощущения от победы какие-то странные. По крайней мере, ликовать ей совсем не хочется. Наверно, потому, что только она, Алиса, знает, через какие тернии ей пришлось пройти.

Будь у нее выбор, она предпочла бы стать простой небогатой женщиной. Кем, например? Ну, допустим, инженершей, или бухгалтершей, или филологом. Лишь бы только мама осталась с ней. И был бы рядом отец.

Алису приглашают на посадку. Ее одну, лично. Она – единственный пассажир, летящий бизнес-классом.

После того как пару раз слетаешь «не как все», уже очень трудно возвратиться в экономический салон. К хорошему быстро привыкаешь. Если у тебя, конечно, есть деньги.

Алиса вспоминает, как первый раз летела самолетом. Когда поднимались по трапу, она сидела на закорках у отца. И сияющая мама шла рядом. Они летели в отпуск. В дом отдыха, в Гагры.

Ей было лет пять, и самолет казался огромным, и родители посадили ее у окошка – то есть у иллюминатора, – и было очень весело и страшно смотреть вниз, на кукольные

домики и игрушечные машинки, и, когда самолет закладывает вираж, она вцеплялась в руку сидящего рядом отца...

– Командир корабля и экипаж приветствуют вас на борту самолета «Ту-154», выполняющего рейс по маршруту... Прислушайте, пожалуйста, правила безопасности...

Прикольно, конечно, когда стюардесса демонстрирует, как пользоваться кислородной маской, для одной только Алисы. Больше никого нет в салоне бизнес-класса. Прикольно – но и немного неловко.

В России стыдно быть богатым. Зато острее чувствуешь свою избранность. И одиночество – тоже.

Самолет – ревя, трясясь всеми своими старыми сочленениями, – взлетает. Каждую секунду кажется, что нагрузка ему не под силу, он не выдержит и рухнет вниз. Старичок «Ту-154» – это вам не аэробус и не «Боинг». Его колотит, как старый автобус. Стоило ли становиться женой миллионера, чтобы полететь в бизнес-классе назад в Бараблино и разбиться?

Чтобы отогнать противный страх, Алиса стала смотреть в иллюминатор. Вадим говорил, что, когда взлетаешь из Шереметьева, можно сверху разглядеть их поселок и даже их дом. Алиса никогда раньше с птичьего полета свое жилище не видела.

Под крылом – дома, дома и дома... Каждый особняк, прикидывает Алиса, – стоимостью не меньше пятисот тысяч «зеленых». Три-четыре этажа. Крыши из металлочерепицы.

Кое-где сверкнет голубизной лужа бассейна.

Кто говорит, что Россия плохо живет? Посмотрите на ближнее Подмосковье с борта самолета. Сплошные коттеджи, виллы, замки.

И за каждым хозяином можно присылать налоговую полицию, или уголовный розыск, или службу безопасности.

А вот – знакомый рельеф водохранилища. И на первой линии от воды Алиса различает свой особняк. Ей видно все до мельчайших деталей: и домик прислуги, и аккуратно выкошенный газон, и цветочки. И балкон, на котором она сегодня пила свой утренний кофе. А вот и соседкин участок – даже, кажется, видно, как плещется в своем бассейне Вероничка.

Нет, поправила себя Алиса, не все хозяева особняков – воры. Ричард, к примеру, Вероникин муж, – кристально честный человек. А каким еще быть англичанину!

И ее Вадим – тоже честный. Ведет открытый прозрачный бизнес. Никаких откатов. Раньше, давным-давно, импорт у него был «черный», потом – «серый», а теперь – самый настоящий «белый». И налоги Вадим платит, и счетов в офшорах не имеет, и даже на благотворительность жертвует...

Самолет заложил вираж. В иллюминаторе стало видно синее небо, белые облака. Алиса отвернулась от окна. Жестом отказалась от бокала шампанского. Из предложенных газет выбрала те, что поинтереснее, – «Комсомолку» и «Вечерку». Можно разгадать кроссворд, можно прочитать послед-

ние сплетни.

И сразу вдруг вспомнился отец и как он называл «Вечерку» «мелкобуржуазной сплетницей». Ах, папа, папа! Почему ты нас покинул?! Ведь с твоей гибели все и началось. И смерть мамы. И Алисино одиночество. И ее мытарства...

– Я тебя очень прошу, Алисонька, дочка, не дергай папу.

– А что такое?

– Он потерял работу.

– Ну и что?

– Он очень переживает.

– А что, он не может найти новую?

– Он ищет. Но это не так просто. Ты же сама знаешь, что за времена теперь настали.

Это Алисе лет двенадцать. Значит, год на дворе – девяносто второй.

– Тише, дочка, тише!

– Почему?

– Папа спит.

– Чего это он улегся? День на дворе!

– Папа всю ночь работал.

– Ты же говорила, что он потерял работу. Новую нашел?

– Не совсем.

– Как это: «не совсем»?

– Папа работал на себя.

– Как это: «на себя»?

– О, сколько вопросов! Любопытной Варваре, знаешь ли,

нос оторвали.

– А все-таки?

– Папа всю ночь возил людей. За деньги. На нашей машине.

– Он стал таксистом? Фи!

– «Фи»?! Алиса, запомни: папа делает все, что может, чтобы обеспечивать свою семью. И меня, и тебя.

– Лучшие бы он нашел себе нормальную работу.

А потом... Потом отец нашел «нормальную» работу.

Он уезжал из дому – на два дня, на три, на неделю. Возвращался с деньгами. Платили ему в долларах. Их было не так много, как у «новых русских», которые тогда только появились, ходили в малиновых пиджаках и ездили на «Мерседесах», но Алисе стало хватать на обновки, «сникерсы» и на репетиторшу по английскому языку. Мама начала поговаривать о новой шубе. Отец повеселел и вслух мечтал, что скоро они, все трое, поедут в Париж.

А потом однажды он не вернулся.

И вот как раз в этом месте память Алисы давала первый сбой.

Откуда не вернулся отец?

Что с ним случилось?

И вообще – в чем заключалась его работа?

** * **

В самолете почему-то всегда удивительно хорошо вспо-

минается.

Может, потому, что тело, оторвавшись от земли, репетирует будущий полет души к богу? Наверно, правду говорят: в последний миг перед внутренним взором проносится вся жизнь. Значит, любой полет – вроде репетиции того самого, последнего полета?

Алиса отказалась от самолетного ленча. Наверно, это было неразумно: когда еще она попадет в Бараблино? Кто ее там теперь покормит? Но Алиса завернулась в плед и снова прикрыла глаза.

Руки. Жесткие мужские руки ерзают по ее животу. Задирают пижамную курточку. Чужое твердое тело наваливается. Слышен смрадный запах алкоголя. Как наждак, скребется о щеку щетина.

Алиса в ужасе просыпается. Нет, нет, это не сон. Он – рядом. В ее постели. Смердит. Хватает. Лопочет: «Девочка моя, ну подожди. Ну, раздвинь ножки».

Он. Дядя Коля. Пьянь. Сволочь. Насильник.

От ужаса и отвращения Алиса цепенеет. Несколько секунд она не может даже пошевелиться – не то что оказать сопротивление. И сладострастный пьяница пользуется моментом. Нащупывает ее грудь и впивается ртом в сосок.

Но оцепенение длится недолго. Она не зря тренируется каждый день. Не зря ходит в Бараблинский дом культуры в секцию ушу.

Алиса бьет коленкой – туда, где, по ее представлению,

находится дяди-Колин пах. Тот стонет – словно всхлипывает. Следующий удар она наносит ему рукой по печени. А потом – еще один по горлу.

Дядя Коля хрипит. Она сбрасывает его тушу с постели. Сама вскакивает на ноги.

Дядя Коля сидит на полу, в своих семейных трусах, в майке, и щерится. Тяжело дышит.

– Если ты еще раз, сволочь, – звенящим шепотом говорит Алиса, – полезешь ко мне...

– То что? – скалится пьяница. – Верке скажешь?

– Яйца тебе отрежу. Понял, свинья?

Голос ее звучит очень жестко – и, кажется, заставляет дядю Колю поверить в серьезность угрозы.

Во всяком случае, весь следующий день он даже не смотрит в Алисину сторону. Да что там день! Целый месяц отводит глаза.

И больше никогда не повторяет своих попыток.

Телеграмма о смерти дяди Коли (инсульт в возрасте пятидесяти семи лет) пришла пять лет назад, как раз когда у Алисы начинался роман с актером Десницким.

Но тогда она не только не полетела в Бараблино на похороны, но даже не послала тете Вере телеграмму с соболезнованиями.

Самолет по спирали пошел на снижение. Стюардесса просит застегнуть привязные ремни. Сообщает, что через двадцать минут самолет совершит посадку в областном центре. «Температура в районе аэропорта – плюс восемнадцать градусов».

Всегда в здешних краях было холоднее, чем в Москве. Урал. Вечно Алиса тут мерзла.

Как и в тот день. Весна еще только начиналась, едва зазвела капель, а в бараблинской школе уже отключили отопление. Они сидели на уроках в пальто.

А с биологии Алису вдруг вызвали к директорисе.

Той в кабинете не оказалось. Вместо нее за столом сидел дядька – огромный, старый, краснорожий. Представительный, в костюме и галстукe. Настоящее начальство – не здешнее, бараблинское, а из области. А может, даже из Москвы.

На столе перед дядькой лежала газета «Урал молодой». Этот номер Алиса хорошо знала – потому что прямо на первой странице там была напечатана ее собственная фотография. Снятая крупным планом, она задорно улыбалась в объектив. Подпись под снимком гласила (Алиса запомнила ее наизусть): *«Большим успехом у горожан пользуются спектакли народного театра Бараблинского дворца культуры. НА СНИМКЕ: десятиклассница Алиса Меклешова репети-*

рует роль Валентины в пьесе „Прошлым летом в Чулимске“. Корреспондент сфотографировал Алису еще в феврале. Две недели назад газета наконец вышла и обеспечила девушке бешеную ненависть со стороны одноклассниц, прочих актрис народного театра, да и всего женского населения Бараблина.

Дядька, сидевший за директорским столом, при виде Алисы довольно ощерился. Разгладил руками газету с фото и отложил ее в сторону.

– Значит, вот ты какая, Алиса Меклешова. Хороша, хороша. Вживую еще лучше будешь, чем на фото. Высокая, грудастая, глаз горит. Молодец.

Алиса ничем не ответила на своеобразный комплимент мужика, только плечиком дернула. А его глаза загорелись сальненьким блеском. Он подался через стол вперед.

– Хочешь поехать в область? И заработать много денег?

– Ну, положим, хочу.

– Тогда...

Краснорожий сделал внушительную паузу, а потом выдвинулся на своем стуле из-за директорского стола, и Алиса увидела неожиданное. Брюки начальственного мужика были расстегнуты, и из них вздымался огромный красный член.

Алиса в негодовании вскочила. Завалился ее стул.

И тут в директорский кабинет вошли трое. Впереди – молодой красавец с длинными волосами. От него пахло столицей и большими деньгами – Алиса непонятно как, но сразу

это определила. Чуть сзади шествовал мужчина самого раздолбайского вида в мятой водолазке. Он тоже был явно сделан из московского теста. Следом семенила их директриса, которая раболепствовала и перед первым, и перед вторым, и даже перед тем извращенцем, что сидел в ее кресле. Всем своим видом она демонстрировала, что для нее эти гости – круче, чем самое крутое начальство.

Извращенец поспешно укатился на стуле за стол и судорожно попытался привести в порядок свое хозяйство.

Первый из вошедших, явно богатый красавчик, внимательно осмотрел Алису – с головы до ног, как цыган осматривает лошадь. И, кажется, его даже не смутили ее старые туфли и аккуратно заштопанные на щиколотке колготки.

Потом он тихо скомандовал толстяку в директорском кресле:

– А ну, брысь отсюда!

И того как ветром сдуло: поспешно вскочил и бочком-бочком протиснулся в дверь кабинета, только его и видели.

– Я этого гада сегодня вечером расстреляю, – негромко сказал красавчик, и такая сила прозвучала в его словах, что Алисе показалось: а может, и вправду расстреляет?

Она неуверенно улыбнулась.

– Хорошая улыбка, – заметил длинноволосый, адресуясь к своему спутнику, раздолбаю в водолазке.

– Настоящая русская красота, – вполголоса заметил тот.

Директриса гордо выпятила грудь, будто это она самолично вырастила в подведомственном коллективе и эту красоту, и эту улыбку.

– Что вы от меня хотите?! – наконец возмутилась Алиса. – Анна Иванна, – обратилась она за подмогой к директрисе, – что происходит?!

– Ничего, Алисонька, ничего, – по-матерински прощепетала та (даже когда комиссия из роно приезжала, сроду она не была с учениками столь ласковой), – эти господа не сделают тебе ничего дурного. У них самые добрые намерения.

– Завтра поедешь с нами, – озабоченно сказал красавец. – В областной центр. Вот тебе тысяча баксов. – Он вытащил из кармана перевязанную резинкой пачку долларов (у директрисы аж глаза расширились, чуть в обморок не упала), небрежно отсчитал тысячу, протянул Алисе: – Приоденешься там. Лучше скромненько, как сейчас – белый верх, черный низ. Но не в дешевку, надо, чтобы вещи смотрелись. А потом тебе скажут, что делать.

– Никуда я с вами не поеду! – возмущенно выкрикнула Алиса.

Еще чего! Извращенцы какие-то! И директриса с ними заодно!

– Ты поедешь не одна, а с мамой, – устало проговорил москвич. – Твоя мама все время будет с тобой. А этот жирный пидарас, – он кивнул на дверь, – к тебе и пальцем не притронется. Я это обещаю.

– У меня мамы нет, – сказала Алиса.

– Тогда ты поедешь с теткой, Верой Евграфовной! – вклинилась директриса. В ее голосе зазвучали привычные истерические нотки. – Как ты не понимаешь, Меклешова! Эти люди – из Москвы! Ты срываешь важное правительственное задание!

– Не поеду, – тихо, но упрямо проговорила Алиса.

– Я тебе обещаю, – сказал длинноволосый, и ей почему-то захотелось верить ему: – Никаких сексуальных домогательств не будет. Ничего стыдного или противного тебе делать не придется. Простая, интересная и ответственная работа. Все будет мило, красиво, весело и денежно. И тетка твоя не отойдет от тебя ни на шаг. Ты ей доверяешь?

– Да.

– Вот и договорились, – сказал он и сунул в ее руку тысячу обещанных «зеленых».

...Под крылом Алисиного «Ту-154» показались окраинные многоэтажки областного центра – скучнейшего, как считала она, города в мире. Ей вспомнилось, как на следующий день после знакомства с красавчиком она увидела его второй раз. А вот самого первого раза, когда тетка везла ее – силком? против ее воли? – из Москвы в Бараблино, Алиса так и не могла припомнить...

...На следующее утро на микроавтобусе «Форд» они при-

были в областной центр. Путешествовали впятером – помимо длинноволосого москвича-красавчика и его адъютанта в мятой водолазке, имелся также молчаливый шофер. Краснорожий извращенец куда-то подевался – может, его и вправду расстреляли? В качестве дуэньи с Алисой путешествовала тетка Вера – и в самом деле не отходила от нее ни на шаг, сидела рядом, преисполненная гордости и значимости своей миссии. Красавец немедленно уснул и проспал всю дорогу. Во сне стало заметно, какой у него усталый вид. Его примеру последовал раздолбай в водолазке. Так что завести светский дорожный разговор о столичной жизни (как рассчитывала Алиса) ей не удалось.

Микроавтобус-иномарка домчал их до областного центра с дивной скоростью. Алису с тетей Верой поселили в гостинице у железнодорожного вокзала. А затем в их номер явился красавчик и по-московски быстро, но толково объяснил девушке, что ей предстоит делать.

Итак, вечером в самом крупном областном ледовом дворце «Метеор» состоится большой концерт. Прибудут звезды столичной эстрады. Представление – бесплатное, поэтому публики ожидается немерено, чуть ли не весь город.

Алиса (вместе с тетей Верой) будут сидеть в первом ряду. Ее задача – в нужный момент подняться на сцену и поднести певице букет цветов. Букетом Алису снабдят. Когда и какой исполнительнице дарить, скажут непосредственно на самом концерте. На этом ее ответственная миссия будет выполнена.

– И все?! – подивилась девушка.

– Абсолютно все, – кивнул москвич. – Потом с тобой считаются и отвезут в Бараблино. А теперь – бегом марш одеваться. И не вздумайте экономить, барахло китайское на рынке покупать. Идите в бутики в местном пассаже, но ничего вычурного не хапать! Никаких рюшей, воланов, вечерних платьев! Чтоб была строгая простота, как в школе! Перед концертом лично проверю. Зайду за вами в номер в семнадцать ноль-ноль, чтобы обе были готовы. Минута опоздания – расстрел на месте.

До самого вечера Алисе чудился в истории с букетом подвох. Зачем для того, чтобы вручить цветы какой-то певичке, отыскивать ее, Алису, и привозить аж из самого Бараблина? Зачем селить в гостинице, давать талоны на питание в ресторане, вручать немалые деньги на одежду?

Ощущение подвоха усилилось, когда их с теткой привезли к ледовому дворцу. Уже часа за полтора до представления туда начал стекаться народ, в намерении занять на халяву места получше. Шли целыми семьями, компаниями, рабочими бригадами.

За кулисами Алису и тетку Веру тщательно проверили: сначала пропустили через рамку металлоискателя, потом со всех сторон прозвонили маленьким приборчиком, а затем еще толстая тетя в милицейской форме их обыскала. Алисе это показалось странным, но не слишком: все-таки им сидеть в первом ряду, мало ли что.

Однако странности продолжались: Алису вдруг отвели в гримерку, и тетенька очень московского вида принялась колдовать над ее лицом: накладывать густой тон, подводить глаза, красить яркой помадой губы. А на соседнем кресле – с ума сойти! – сидела певица Таня Буланова, и другая гримерша делала лицо ей.

– Зачем вы меня-то красите? – спросила Алиса гримершу. – Я ведь не звезда!

Но та ответила загадочно:

– Звезда – не звезда, все равно тебе надо выглядеть.

А потом начался концерт, и Алиса с тетей Верой действительно получили места в самом первом ряду, прямо по центру перед сценой, и очень хорошо видели, а тем более слышали всех московских звезд. Столичный красавец сидел за ними во втором ряду, перед началом он положил Алисе руку на плечо и прошептал: «Не волнуйся, все будет хорошо».

А в середине концерта, между двумя номерами, в зале начался какой-то бемц, особенно заметный здесь, у сцены. Количество охранников с рациями, и без того немалое, вдруг удвоилось, группа каких-то людей быстро прошла мимо Алисы, а потом вдруг раздался торжественный голос диктора:

– На нашем концерте присутствует... – интригующая пауза. – ...Прррезидент Ррроссийской Федерррации... Боррис Александррович Дыбцын!!!

Публика взорвалась криками и аплодисментами. Многие

повскакивали с мест, чтоб разглядеть президента. А Алисе и вставать не пришлось: глава государства оказался за два кресла от нее. Между ними сидели только один шкаф-охранник и довольно молодая женщина с короткой стрижкой.

Когда прокричали его фамилию, седой президент поднялся во весь свой недюжинный рост, потряс в приветствии вздетыми над головой руками, а затем неуклюже, словно дрессированный медведь, раскланялся залу. Публика снова взревела.

А затем концерт пошел своим чередом, и президент вместе со всеми хлопал в ладоши и подпевал. Алиса хорошо видела это со своего места, и ее охватил странный восторг от того, что она находится от него совсем рядом. Девушка, конечно, больше смотрела на президента, чем на сцену, и он показался ей хоть и старым, но бодрым и крепким. Словно медведь, шкура у которого уже слегка облезла от прожитых лет, но он еще может задушить любого, кто будет с ним недостаточно почтителен.

Когда концерт подходил к концу, случилось неожиданное. Молодой певец пел что-то разухабистое, а президент, о чем-то пошептавшись с сидевшей рядом с ним молодой дамой, вдруг вскочил со своего места и бросился на сцену. Охранники уважительно посторонились, пропуская его.

В два прыжка, бодрячком, Дыбцын выскочил на сцену. Узнав его, зал взревел от восторга. А президент оттеснил от микрофона бэк-вокалиста – и начал подпевать солисту. Зал

зашелся в восторге еще пуще.

Но песней шоу не ограничилось. Властитель России несколькими движениями сорвал с себя пиджак, покрутил им над головой и швырнул его на пол сцены (зал снова вскипел). Затем президент принялся танцевать, изображая нечто среднее между твистом и гопаком. Неистовству зала не было предела. Многие вскочили со своих мест и принялись в упоении скандировать:

– Дыб-цын! Дыб-цын! Дыб-цын!

И вот тут Алису схватил за плечо сидевший сзади москвич-красавчик и жарко заговорил прямо в ухо:

– Все, девочка, твой выход. Беги на сцену. И запомни: ты даришь цветы не певцу, а президенту! Поняла: президенту!

Он сунул ей в руки букет – очень простой, как будто Алиса сама собрала его в саду своими руками: несколько тюльпанов, ирисы, ромашки.

Песня подходила к концу, и длинноволосый снова сжал ей плечо – на этот раз так, что ей больно стало.

– Давай, девочка, вперед! Не подведи! – и подтолкнул Алису к сцене.

Не чуя под собою ног, она бросилась к рампе. Огромные охранники расступились. Девушка взлетела на сцену, чуть не споткнулась о протянутые в разные стороны пучки проводов и кинулась в сторону президента. Она ничего не видела, кроме белого пятна его лица. Песня как раз кончилась, и Дыбцын схватил за руку и выдвигал вперед солиста. Зал

начал аплодировать.

А когда Алиса наконец добежала до главы государства и сунула ему букет, она расслышала, как публика зашлась овацией. Президент благодарно облапил девушку (объятие у него и в самом деле было медвежье) и поцеловал ее, метя в губы. Вблизи от президента пахло одеколоном и еще чем-то – кажется, старостью.

Но шоу на этом не закончилось. Музыканты, стоявшие сзади, вдруг выдали проигрыш, и президент, уже отдавший кому-то Алисин букет, снова пустился в пляс, да вприсядку! При этом он своими движениями словно приглашал к танцу Алису – и она не подвела, симпровизировала: поплыла вокруг Дыбцына белой лебедушкой. Зря, что ли, почти два года репетировала в народном театре Бараблинского ДК!

Огромный дворец спорта просто сходил с ума от оваций, криков, веселого посвиста. Опять началось скандирование: «Дыбцын! Дыбцын! Дыбцын!»

А когда мелодия стихла и президент утомился, он схватил Алису за руку и повел ее к рампе. И она наконец разглядела его и увидела рубашку, всю мокрую от пота, и как он тяжело, надсадно дышит, и какой у него, несмотря на грим, бледный, землистый цвет лица. Алисе даже на секунду показалось, что руководитель страны после своих танцев вот-вот грохнется тут же, на сцене, с инфарктом или инсультом.

Но президент все держал Алисину руку в своей трехпалой левой руке и заставлял ее кланяться и кланяться – как будто

это она здесь была главной, а не он. И Алиса кланялась. И чувствовала, что словно купается в волнах восхищения.

А аплодисменты все не смолкали.

* * *

Несмотря на то что прошло уже почти десять лет с того вечера, воспоминание о нем было одним из Алисиных любимейших. Шутка ли: сегодня ты простая десятиклассница в райцентре на Урале и тебя сношает каждая училка – а буквально завтра на глазах у многотысячного дворца ты танцуешь и обнимаешься с самим царем Борисом, Властителем Всея Руси!..

Есть о чем вспомнить. И совсем не хочется возвращаться из красивого прошлого в скучное «здесь и сейчас». Но что делать...

Самолет, доставивший ее из столицы в областной центр, наконец приземлился – подрагивая, свистя и спотыкаясь. Из салона эконом-класса раздались неуверенные, жидкие аплодисменты. Алиса снова оказалась на три тысячи километров восточнее столицы – и опять словно вернулась в то время. И снова ей надо было решать будничные проблемы. Например: как добираться за двести километров в родное и ненавистное Бараблино? По московскому времени еще день, а по местному уже без четверти восемь, скоро темнеть начнет.

Алису, как пассажирку бизнес-класса, пригласили к вы-

ходу первой. У трапа ее одну ждал отдельный микроавтобус. Аэропортовская служащая растворила перед ней дверь машины и села рядом. А когда автомобиль лихо сорвался с места, она, словно читая Алисины мысли, спросила:

– Может быть, вам организовать такси?

– Было бы неплохо.

– Куда вам ехать?

– В Бараблино.

– Минуту.

И проводница тут же, не сходя с места, сняла с шеи телефончик и коротко бросила в него:

– Веня, один пассажир до Бараблина.

Невидимый Веня что-то коротко буркнул, и тетенька сказала Алисе:

– Все устроено, – а потом скомандовала шоферу микроавтобуса: – Выезжай прямо на площадь и подрули к Вениной машине.

– Спасибо, – удивленно проговорила Алиса. У нее мелькнуло: «Бешеные бабки, наверно, сейчас сдерут». Мысли о неподъемной цене пришли к ней оттуда – из бараблинской полуголодной, бесшмоточной юности. Но она быстро себя оборвала: «А мне-то какая разница, сколько сдерут? Все равно Вадим платит».

На привокзальной площади микроавтобус подвез Алису к черной «Ауди» – неновой, но крепкой. Стюардесса улыбнулась: «Вот ваш лимузин...» Алиса дала ей сто рублей чаевых

и заслужила смущенно-радостную улыбку: «Спасибо, зачем, право, не стоило бы...»

А еще через пять минут они катили с шофером Вениамином по улицам областного центра – объездную дорогу в городе до сих пор не достроили. И ничегошеньки здесь на поверхностный взгляд не переменялось. Все плоше, угрюмей и захудалей, чем в Москве: дороги – разбитей, дома – обшарпанней, фонари светят тускло.

Односложно ответив на вопросы шофера – впервые ли она на Урале? надолго ли приехала? – Алиса дала понять, что не расположена к разговорам. Водила оказался понятливым, докучать беседой не стал. Включил негромкую музыку и сосредоточенно погнал вперед. Скоро областная столица осталась позади.

А Алиса снова погрузилась в свои воспоминания.

* * *

...Когда тот концерт завершился, президента и сопровождающих его лиц куда-то быстро увели. Вместе с ними исчез и красавчик. На своем месте оставался лишь его ординарец в мятой водолазке. Он и отвел Алису вместе с тетей Верой назад к машине.

Девушка была словно оглушена. В толпе зрителей, расходившихся после концерта, кое-кто бросал на нее узнающие взгляды – среди них попадались и завистливые. Однако боль-

шинство не обращало на нее никакого внимания. Это было удивительно и досадно, и даже хотелось в голос крикнуть: «Эй, вы что?! Не узнаете меня?! Я ведь только что с президентом танцевала, обнималась – а вы мне хлопали!» Чувство оказалось столь же обидным, как в раннем детстве, и даже в сто раз обидней. Тогда Алиса танцевала на елке среди снежинок и была среди них самой красивой, самой талантливой и лучшей, и все ей хлопали и смеялись. Но очень скоро пришлось снять костюм, засунуть его в мешок и идти вместе с мамой по темным морозным улицам, где никто-никто ее не узнавал. Надо было возвращаться домой и готовиться к завтрашней контрольной...

И в тот вечер тоже: Алисе предстояло вернуться в Бараблино и снова ходить в школу, мыть для тети Веры посуду и кормить ее курей. А красавец-москвич даже не сказал ей спасибо, не похвалил за то, как она сыграла свою роль, и не произнес ни единого доброго слова. Исчез и попрощаться не подошел.

Его мятый помощник усадил Алису с тетей Верой в тот же микроавтобус, равнодушно скомандовал шоферу: «Отвезешь их сегодня в гостиницу, а завтра утром – назад в Бараблино». Потом протянул Алисе конверт и пакет с рекламной символикой концерта и безразлично бросил: «До свидания».

В машине тетя Вера заставила Алису, еле сдерживающую слезы, открыть конверт и пересчитать деньги. Там оказалась еще одна тысяча долларов – по тем временам и бараблинско-

му житью целое состояние. А в полиэтиленовом пакете лежали бейсболка с эмблемой акции «Голосуй, или проиграешь», футболка размера XL и пластмассовая авторучка с тем же логотипом. И все. Ничего личного. Хотя бы автограф президентский дали. Или какое-нибудь благодарственное письмо в рамочке. Разглядев содержимое пакета, девушка не смогла больше сдерживать слезы и разрыдалась. Тетушку не рассердил, как бывало всегда, ее плач. Она гладила Алису по плечу, утешала и говорила, как замечательно Алиса выглядела, каким молодцом держалась на сцене.

В гостинице они с теткой сразу легли. Номер был со всеми удобствами и накрахмаленными простынями. Но отель стоял напротив вокзала, и всю ночь из-за штор доносились свистки электричек, гнусавые объявления о прибытии-отправлении поездов и звонки делающих круг трамваев.

Тетка сразу засопела, а Алиса еще долго не могла уснуть. Ворочалась, смотрела из-за штор на привокзальную площадь, пила воду из графина. У нее было чувство, что ее обманули – хотя, если разобраться, никто ее ни в чем не обманывал. Наоборот, все выполнили, что обещали, и даже с лихвой. Почему только ей так обидно? Будто посулили миллион и бриллианты, а отделались рублем и бижутерией...

Наконец под утро она уснула.

А проснулась, как ей показалось, через мгновение – от дикого стука в дверь.

За окном уже светало. Алиса бросила взгляд на часы: по-

ловина шестого утра. Тетка Вера подскочила в постели, прошлепала прямо в ночнушке к двери, спросила строгим голосом:

– Кто?!

– Вера Евграфовна! Алиса! Быстро открывайте!

Алиса сразу узнала голос – то был вчерашний красавчик, и сердце у нее забилося в неясном предвкушении.

– Давай, тетя Вер, запускай его: не слышишь – свои! – подогнала она тетушку.

– Нам надо одеться, – важно молвила через дверь тетя Вера.

– К черту одеваться, не буду я смотреть на ваши прелести! Отпирайте сейчас же! – проорал из-за двери москвич. – Важное правительственное сообщение!

Из коридора донесся еще один голос – злой шепот горничной:

– Что вы тут крик развели?! Я ща милицию вызову! Убирайтесь отседова! Людям отдыхать мешаете!

– Тетя Вера, не тяни! – взмолилась Алиса, и той ничего не оставалось делать, как отворить дверь.

В номер вихрем ворвался давешний красавец. От него ощутимо пахло вином, но выглядел он по-прежнему столичным комильфо: аккуратный галстук, ровный пробор, безукоризненный пиджак.

Алиса села в кровати в своей пижамке, на всякий случай закрываясь еще и одеялом.

– Мы победили! – радостно прокричал гость, простирая к Алисе руки. – Дай я тебя расцелую, моя русская красавица!

И не успела она опомниться, как он бросился к ней, обнял и троекратно расцеловал. От него пахло хорошим одеколоном, и запах вина совсем не раздражал, а руки и губы у него оказались столь нежными, что у Алисы внутри даже что-то затрепетало.

– Ишь ты! Ну-ка! Потихе тут с поцелуйчиками! – запоздало отреагировала тетя Вера.

А тот, не обращая на нее никакого внимания, продолжал, обращаясь к Алисе:

– Ты Папе очень приглянулась! Очень! Я прямо с банкета! Все прошло великолепно, а Папа подошел ко мне и сказал, – и гость начал вратьяжечку, явно передразнивая: – «Эта харашшо, шта-а ты выкопал этту девчушку с цветами. Э-та очень харрашо! Э-та показывает, понимаешь, шта-а народ любит своего президента. Шта-а мы с народом, понимаешь, едины. И никаким вражеским коммунистическим силам нас, понимаешь, не разделить!...»

– А Папа – это кто? – лукаво, будто не понимая, спросила Алиса. Глаза ее радостно сверкали.

– Тот дяденька, – ухмыльнулся красавчик, – с кем ты вчера на сцене отплясывала... Короче, Алиска, потом я говорил с Татьяной. И мы решили твой вопрос...

– А Татьяна – это кто? – на этот раз искренне удивилась Алиса.

– Татьяна – это Папина дочка. И на данном этапе – руководитель предвыборной кампании. Короче, она распорядилась, чтобы ты, Алиска, ехала дальше с нами.

– С кем – с вами? Куда – ехала? – вопросы нетерпеливо сыпались из уст Алисы.

– С нами – в предвыборное турне, – терпеливо отвечал лощеный столичный щеголь. – По всей нашей необъятной и многонациональной Родине. Будем ездить, пока у Папы силенок хватит.

– Зачем?

– Да все затем же. Станешь с президентом танцевать.

– Никуда я ее не отпущу, – вклинилась тетя Вера.

– Вы, мамаша, тоже поедете с нами, – отмахнулся от нее красавчик. – Будете и дальше блюсти девочкину сохранность и целкость.

Впоследствии Алиса мысленно не раз благодарила тетю Веру за то, что та встряла в разговор и дала возможность ей собраться с мыслями, а не то бы она немедленно закричала: «Да! Да! Я согласна!» Но благодаря паузе Алиса сумела мгновенно обдумать свое положение (из безвестной школьницы она в одночасье превратилась чуть ли не в фаворитку самого президента!). И потому важно сказала:

– Я бы с радостью поехала, но у меня ведь школа. Годовые контрольные на носу, а учителя зверствуют...

– Со школой мы договоримся, – сделал отметающий жест москвич. – Тебе поставят пропуск по уважительной причи-

не.

– Подумаешь, «уважительная причина»! – хмыкнула она. – Мне аттестат зрелости нужен.

– Поможем, – кивнул президентский имиджмейкер.

– Хочу аттестат экстерном, – категорически заявила Алиса. – Все пятерки не обязательны, но без троек. И чтоб экзамены никакие не сдавать.

– Однако! – хмыкнул собеседник, но потом достал из кармана блокнот, что-то в нем пометил и кивнул: – Ну, решим вопрос.

– А потом... – протянула Алиса. – Не знаю, сможем ли мы с тетей надолго дом оставить. Хозяйство-то у нас большое, работы много. Мне помогать приходится. Я посуду мою, белье стираю, кур кормлю... А механизации никакой...

– Чего еще хочешь-то? – перебил красавчик. Он принял Алисину игру: в его глазах запрыгали лукавые чертики.

– Хотим новый холодильник, стиральную машину, микроволновку, посудомоечную машину, кухонный гарнитур, – лихо загнула пальцы Алиса.

– Шустрая ты деваха, – покачал головой посланец самого «царя Бориса». – Ладно, сделаем. Еще что-нибудь?.. Но имей в виду, лиса Алиска: даже у золотой рыбки было всего три желанья. Ты использовала – два. У тебя осталось одно. Так что аккуратней с просьбами-то. Не останься у разбитого корыта.

– Пугаете?

– Предупреждаю.

Алиса стала лихорадочно думать: «Чего бы еще попросить у «золотой рыбки»? Эх, дура я, разменялась на какую-то микроволновку!.. Может, денег?.. Но миллион долларов красавчик все равно не даст, а меньше нет смысла просить, только мелочиться!.. Может, квартиру в Москве заказать? Но зачем она мне – когда нет у меня в столице ни работы, ни денег?.. Или...»

– И еще я хочу, – твердо молвила Алиса, – чтобы меня приняли во ВГИК. Или в любой другой актерский вуз в Москве. Без экзаменов.

– Туда не только экзамены сдают, – возразил красавец, в очередной раз чирикавая в своем блокнотике. – Там самое главное: творческий конкурс.

Алиса нахально возразила:

– А пусть мне за творческий конкурс засчитают мой танец с президентом. Как этюд.

– Круто берешь, – вздохнула «золотая рыбка» в облике столичного имиджмейкера. – Ну ладно, попробую.

– «Попробую» мне не подходит!

– Хорошо, сделаю.

– И еще...

– Стоп-стоп! Это уже четвертое желание. Перебор!

– А это не мое желание, – упрямо сказала Алиса, – а тети-Верино. Пусть нас в дальнейшем не селят больше в такие дыры с паровозами. Хочу тихие гостиницы с евроремонтом.

Москвич в очередной раз сделал пометку в своем кондучите и покачал головой:

– А ты, оказывается, оторва, лиса Алиса...

* * *

Алиса в очередной раз оторвалась от воспоминаний.

Смеркалось. Шофер молча гнал свою «Ауди» по пустынной ухабистой дороге.

Кругом холмы, леса, ни единой деревеньки, разметки или дорожного знака.

Отсюда, из далекой провинции, начинался Алисин путь вверх.

Сюда она возвращалась, чтобы выяснить наконец всю правду о прошлом.

* * *

Что Алиса помнила о своей прежней жизни?

Помнила ужасный день, искажившееся лицо матери. И ее страшные слова: «Отец погиб».

Именно так: «Отец погиб». Не «папа умер». Не «отца не стало». Не долгие подготовительные разговоры, подводящие к самому страшному, а неожиданное, короткое, резкое: «Отец погиб».

А после этого – чернота.

Ни отпевания, ни похорон, ни поминок. Больше ничего, связанного с папой.

Забвение. Амнезия.

Затем – сколько времени прошло? Три дня? Неделя? Месяц?

В памяти всплывает плачущая мать. Ее искаженное лицо. Мама говорит с какими-то людьми. Кричит им резко и зло: «*Я вам ее не отдам! Не отдам!*»

И Алиса вдруг понимает, что эти мамины слова относятся к ней. И помнит, какой приступ ужаса она испытала, услышав их. Противный страх поднялся откуда-то снизу, словно приступ рвоты, и, не владея собой, Алиса тогда закричала:

– Нет! Нет! Я не хочу!! Не отдавай меня!!

И мама кинулась к ней и принялась гладить ее, целовать и утешать:

– Это не о тебе, Алисонька! Это не о тебе! Как ты могла подумать! Я никогда тебя никому не отдам!

А потом – снова сон, темнота. Кто-то ее будит, заставляет перевернуться, поит микстурой...

А затем всплывает еще одна картина, самая горькая: похороны мамы. Отпевание. Смешной дьячок, похожий на мушкетера. Солнечный луч, упавший точно на лицо матери, лежащей посередине церкви в гробу...

Потом – опять сон, длинный-длинный. То с кошмарами, то со сладкими видениями.

И вот – она уже не в Москве, а в неведомом Бараблине.

Над ней склоняется лицо тети Веры:

– Вставай, деточка, в школу опоздаешь...

– Где здесь туалет?

– Вот, Алисонька, сходи на горшочек.

– А настоящий туалет где?

– У нас тут по-другому принято, чем у вас в Москве. В доме удобств нет. Есть будочка зеленая в конце огорода. Хочешь, туда сходи.

И вторым планом бурчание дяди Коли:

– Пусть, пусть до ветру идет. А то зассали мне тут всю избу...

* * *

«Ауди», на котором Алиса ехала в Бараблино, пронеслось сквозь притулившуюся к трассе деревушку.

Уже стемнело, ни души на улице. За окнами изб виднеются телевизионные всполохи.

Здесь по-прежнему в туалет ходят на улицу, зато уверенно принимают шесть телепрограмм из Москвы. Цивилизация.

* * *

Алиса не раз приступала к тете Вере с расспросами:

Что случилось с отцом? Почему умерла мама?

Зачем ей, Алисе, пришлось уехать из Москвы?

Что стало с родительской квартирой?

Что происходило с ней самой, Алисой, сразу после того, как с родителями случилась беда?

И каждый раз тетя Вера – когда хитро, когда с прибауткой, а когда и зло – уходила от расспросов.

Но теперь-то... Коли соседка, тетя Клава, пишет, что тетка плоха... Теперь-то, перед смертью, она наверняка раскроет свои тайны?

Ведь если не она, кто тогда расскажет Алисе всю правду?

* * *

По этой запустелой дороге последний раз Алиса ехала почти десять лет назад, летом девяносто шестого. Тряслась в старом душном «ЛиАЗе». В трусы зашиты деньги, в сумочке – выправленный экстерном аттестат, в чемодане – курица на дорогу и бутылка вишневого компота. Тащилась она от Бараблина до областного центра пять часов, компот от жары скис, пришлось его выбросить и купить на вокзале бутылку пепси-колы.

Красавчик выполнил свои обещания. Почти все.

Когда той весной они путешествовали с президентом – Казань, Саратов, Волгоград, – их с теткой Верой и правда стали селить в тихих гостиницах без вывески. В двухкомнат-

ных номерах, сервированных чайными сервизами, электрическим самоваром, фужерами. Холодильник обычно ломился от еды и выпивки.

Днем они с теткой обычно гуляли по городу, ходили по магазинам, приобретали (как выражался красавчик) экипировку. И каждый вечер их привозили на концерт столичных звезд и усаживали в первый ряд.

И всякий раз повторялось одно и то же. Под самый занавес президент, сидевший где-то рядом, словно не в силах удержаться, скидывал пиджак и вырывался на сцену. Выхватывал микрофон и начинал петь и танцевать. Толпа ревела от восторга. В поисках эффектных кадров к рампе бросались фотографы и телевизионщики.

А потом с букетом к президенту выбегала Алиса. Тот принимал цветы, по-медвежьи облапывал ее, целовал. Порой начинал с ней танцевать.

Много позже, уже скучая в Москве в Гнездниковском, Алиса отыщет отчет, вроде бы случайно забытый в квартире имиджмейкером. И прочтет исследования социологов: то предвыборное турне вместе со звездами эстрады принесло президенту как минимум два миллиона дополнительных голосов на выборах. Коли так, скромно решила Алиса, ее собственный личный вклад в избирательную кампанию – как минимум полмиллиона лишних голосов. Ну или хотя бы триста тысяч. А как вы думаете, сколько стоит образ девушки из народа, в порыве экстаза дарящей букет цветов лидеру

страны?

И если в самый первый день Алисин выбег с букетом казался удачным экспромтом, то постепенно он превратился в работу. В самый настоящий актерский труд. Имиджмейкер президента, а звали его Андрей, каждый раз требовал от нее «этюда на перевоплощение»: «Раз уж ты, красавица, на актерский собралась!» Объяснил почему: нельзя допустить, чтобы в головы журналистов или телевизионщиков, освещающих президентское турне (тем более из противоположного, коммунистического лагеря), закралась даже тень подозрения, будто девушка – «подсадная».

И посему в Казани Алиса с помощью черного парика и грима превратилась в знойную восточную красавицу.

В Саратове она изображала неформалку – в кожаной косухе, короткой футболке, джинсах, волосы спрятаны под банданой, в пупке – пирсинг.

В Волгограде гример и костюмерша сделали из нее даму полусвета – в соблазнительнейшей мини-юбке, чулочках в сеточку и туфлях на двенадцатисантиметровой шпильке.

Однако президенту была известна их общая тайна. Он уже узнавал Алису и однажды на сцене незаметно для всех подмигнул ей, прошептал: «Привет, девчущка...» – и погладил по попе.

В другой раз – кажется, в Волгограде – он вдруг, приняв букет, грохнулся перед Алисой на одно колено (взрыв восторга на трибунах) и принялся лобызать ей ручки.

Замечательнейшее воспоминание! Лишь очень немногие женщины на свете могут похвастаться тем, что перед ними стоял на коленях глава одной из супердержав, хозяин огромной ядерной империи!

И никто из посторонних, кажется, даже не заподозрил – вот она, волшебная сила искусства! – что девчонка, в разных городах преподносящая цветы президенту, каждый раз одна и та же. Секретом владели только Алиса с тетей Верой, сам президент, его строгая дочь Татьяна, ну и имиджмейкер Андрей со своим оруженосцем.

Однажды, когда Андрей был в благодушном настроении (после одного из особенно удачных концертов), Алиса спросила его: «Зачем вам понадобилось возить меня из города в город? Неужели в каждом новом местечке нельзя было выбрать новую девушку?»

– Слишком хлопотно, – пожал плечами ее работодатель. – Искать их, потом проверять, одевать, инструктировать... А вдруг у новенькой зажим случится? И она до сцены не дойдет? Или описается от страха?... К тому же, открою тебе государственную тайну, ты, красотка, одновременно и Папе, и Тане понравилась. А у нас в стране как Папа с Таней скажут – так все и будет.

Как-то раз (кажется, это случилось в Казани) тетя Вера вызвала из гостиницы на переговоры дядю Колю, оставшегося в Бараблине. (Мужу, кстати, тетя Вера соврала близко к правде: дескать, Алиса едет на гастроли – на подпевки в

столичной рок-группе, а она ее сопровождает.)

Дядя Коля явился на переговорный пункт озверелый. Ревел на всю почту:

– Мне тут кухонную мебель привезли! И холодильник! И стиральную машину! И даже какую-то посудомойку!!. Кто за эту мудню платить будет?!!

Тетя Вера живенько бушующего супруга успокоила, а положив трубку, погладила Алису по плечу, поцеловала и сказала повлажневшим голосом:

– Спасибо тебе, доченька, и обо мне не забыла...

То была самая большая ласка, которой Алиса дождалась от тетушки за все годы совместного житья.

А от всей предвыборной поездки у шестнадцатилетней Алисы осталось ощущение нескончаемого праздника. Да и разве это был не праздник! Каждый вечер – грим, свет рамп, овации многотысячной толпы. После концерта – ужин вместе с артистами, отцами города и организаторами. И почти всегда рядом с нею оказывался красавчик. Он рассказывал анекдоты, травил байки про президента, полоскал столичных звезд. Держался при этом покровительственно, словно старший брат. Никаких тебе вольностей, ни пошло-го намека, ни касания рукой. Другие мужики – и шоумены, и административный ресурс – прямо-таки столбенели при виде Алисы, ее молодой красоты, предпринимали различные заходы – через лесть, обещания, посулы. Подкарауливали в глухих углах гостиниц и фуршетных залов, в любви объясня-

лись. Да только тетя Вера была насто́роже – попробуй тронь ее подопечную, так отбреет наглеца, что мало не покажется, может и матюком послать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.